

С середины 1980-х годов в Советском Союзе произошли резкие изменения в историческом сознании миллионов людей. Гласность сделала возможным массовые опросы населения, высказывавшего мнение о прошлом своей страны, родного края, политической жизни. Люди перестали бояться и скрывать свое прошлое. Многие старики готовы рассказать все, что знают о голоде 1930-х годов, массовых репрессиях, коллективизации, второй мировой войне, соблюдая все-таки при этом некоторую осторожность. Освещение тем политической истории (Сталин, НКВД) по-прежнему зачастую требует высокой степени доверия между собеседниками.

Так как значительная часть людей старших возрастов сейчас не только в сельской местности, но и в городе — бывшие крестьяне, помнящие историю, культуру, традиции русской деревни, имеются чрезвычайно благоприятные условия для изучения культуры российского крестьянства, традиционных общественных структур в большинстве республик. Историко-культурная проблематика созвучна современному подъему национального самосознания у всех слоев населения и является в определенной мере политизированной. Тем не менее миллионы людей осознали сегодня, что устои и уклад жизни традиционного крестьянского общества — это значительная культурная ценность, ушедшая в прошлое. Это с одной стороны.

С другой стороны, среди многих молодых советских историков возникло недовольство достижениями официальной советской историографии 1960–1980-х годов. Среди них уменьшился интерес к проблемам социально-экономической истории, более разнообразными стали историко-культурные работы, появилась неудовлетворенность существующими методиками исследования. Поскольку значительная часть официальных источников по советской истории последних десятилетий фальсифицирована или не заслуживает доверия, начались интенсивные поиски новых видов источников. Все это обусловило значительный интерес десятков молодых историков и филологов к устной истории как новому направлению в советской исторической науке. Мы сегодня отчетливо поняли, что целостная достоверная история прошлого невозможна без многих тысяч устных рассказов — воспоминаний граждан нашей страны. Живая коллективная память народа — это национальное богатство, величайшая культурная ценность общества. Живая историческая традиция народов России умирает с поколением людей, родившихся в 1900–1920-е годы. Интервьюирование этих людей позволит не только создать целый массив новых исторических источников, но и начать писать историю народа, а не государства. Позднейшие поколения (родившиеся с 1930-х годов) — носители качественно другого исторического сознания.

Итак, для многих российских историков устная история — это и качественно новый метод, и новый тип исследования. Стоит, вероятно, напомнить, что записи живой народной речи велись нашими фольклористами достаточно давно. Немало записей рассказов было сделано в период первой, а также второй мировых войн. Однако активная самоцензура рассказчиков и собирателей снижала ценность этих интервью, а подготовка их к печати была просто нелепым. Уникальным явлением в этом смысле остается книга С. З. Федорченко «Народ на войне», посвященная событиям первой мировой войны. Но мы должны помнить, что это в определенной степени литературное произведение (на чем настаивала и сама писательница). Для нас сегодня чрезвычайно важно обращение именно историков к такого рода тематике. Впрочем, сегодня историческая научная литература, посвященная устной истории, почти отсутствует. Мы имеем лишь несколько публикаций. Что они собой представляют? Теоретическая статья профессора Симферопольского университета Д. П. Урсу «Методологические проблемы устной истории» написана на основании широкого круга как советских, так и зарубежных публикаций и рассматривает роль и место устной истории в мировой исторической науке¹. Автор относит к устной истории и исторические традиции старописьменных народов Европы (былины, эпос), и живые исторические традиции бесписьменных народов Африки, Океании и Азии, и современное массовое историческое сознание. Слишком широкий подход к теме не позволяет уяснить специфику практической работы историков республик бывшего СССР по интервьюированию населения.

Вместе с тем это первая фундаментальная статья, снабженная обширным списком литературы и дающая нам определенное представление о месте устной истории в мировой исторической науке.

В 1989 г. состоялись две научные конференции по проблемам устной истории в Советском Союзе. Первая из них прошла в начале октября в Московском историко-архивном институте (к сожалению, тезисы конференции не изданы), а вторая состоялась в ноябре 1989 г. в Кирове.

Маленький сборник тезисов второй конференции опубликован и дает определенное представление об уровне изучения этих проблем².

Поскольку это первый научный сборник такого рода в нашей науке, то естественно, что статьи в нем очень разноплановы. Пока исследователи лишь нащупывают пути развития устной истории. Но, думается, что в сборнике, пусть и в зачаточной форме, они намечены достаточно отчетливо. Условно материалы сборника можно разбить на три группы. К первой можно отнести материалы теоретического, методологического характера, в которых осмысливается накопленный опыт, разрабатывается научная терминология, понятийный аппарат. В. А. Бердинских в статье «О проблемах устной истории в СССР» указывает, что очень сильно тормозит работу историков отсутствие разработанных программ и методик массовых опросов. Автор выделяет следующие приоритетные темы: «Традиционное крестьянское общество: формы и структуры», «Народная культура России XIX — начала XX века», «Интеллигенция России как культурно-исторический феномен», «Коллективизация в СССР», «Великая Отечественная война», «Культ личности Сталина и народное сознание». В статье поставлен вопрос о создании этических норм профессионального поведения историков при интервьюировании.

В статье М. А. Павленко «Специфика мемората (записи и рассказы-интервью) как исторического источника» анализируется форма устного рассказа-интервью, справедливо отмечается, что «поскольку устные воспоминания основываются, по преимуществу, на эмоциональном, а не на понятийном восприятии событий, сами мемораты с возрастанием временной дистанции между событием и временем рассказа о нем все более тяготеют к эстетически законченным новеллам или ряду новелл, объединенных образом рассказчика ... Сохраняющиеся в них реалии все более тяготеют к трансформации в художественные образы»³.

Ко второй группе статей можно отнести работы, основанные на широком круге собранных меморатов, посвященные проблемам социально-политической истории Советской страны. Это, например, статья А. Н. Чернышева «Удмуртская деревня накануне массовой коллективизации (по воспоминаниям старожилов деревни Сарайкино)», в которой автор приходит к выводу, что к началу 30-х годов XX в. большинство жителей деревни были далеки от идей кооперации. Преобладала тяга к единоличному хозяйству»⁴. На основе опросов-интервью, анкетирования нескольких сот очевидцев написаны материалы В. В. Кондрашина «Голод 1932—1933 годов в деревне Поволжья» и Ю. В. Костяшова «Опыт создания устной истории заселения Калининградской области». Знакомство с тезисами показывает, что процесс создания исторических источников, альтернативных официальным, уже идет. 82% из 300 опрошенных В. В. Кондрашиным очевидцев голода 1932—1933 гг. назвали главной причиной наступления голода принудительные хлебозаготовки⁵. В докладе Ю. В. Костяшова содержится справедливый вывод, что и в доступных опубликованных и архивных источниках почти не оказалось места для конкретных людей с их непростыми судьбами, мотивами поступков, личными впечатлениями и переживаниями. В этом смысле можно смело утверждать, что так называемая официальная история области, рисуящая удручающе схематичную и тщательно отлакированную картину переселения, — достаточно точное отражение сохранившейся источниковой базы. «В таких условиях единственная возможность создания живой и правдивой истории края состоит в сборе свидетельств оставшихся у живых очевидцев и участников переселения 40—50-х годов»⁶.

Одновременно с материалами по социально-политической истории страны в ходе практической работы историков неизбежно собираются материалы, имеющие большую историко-культурную ценность, без которых невозможно изучение менталитета людей прошлых эпох. В них заинтересованы этнографы и лингвисты, психологи и фольклористы. О последних хочется сказать особо. Многих молодых фольклористов сегодня уже не удовлетворяют традиционные формы и методы работы в фольклорных экспедициях. Приходит осознание того, что рассказ-воспоминание русского крестьянина, наряду с народной песней, сказкой, былинной также является важной фольклорной формой.

К третьей группе работ мы можем отнести статьи Е. В. Якимовой «Женская судьба в меморатах о Великой Отечественной войне (историзм и художественное начало)», И. А. Варнавских «Частушка как выражение настроений времени», О. В. Борисовой «Устный прозаический лагерный рассказ и легенда — как исторический источник». Последняя статья интересна еще тем, что автор-историк делает попытку анализа лагерной легенды с точки зрения фольклориста⁷.

Весьма важным было решение конференции о создании в Советском Союзе Общества устной истории в рамках Советской ассоциации молодых историков (САМИ). Был избран Совет общества (председатель — В. А. Бердинских — доцент педагогического института, г. Киров — Вятка), принят устав. Конференция рекомендовала: 1) признать приоритетным направлением в современных исторических исследованиях изучение истории советского общества 1920—1950-х годов; 2) начать работу по созданию музеев, коллекций, информационных банков устной истории при кафедрах, в вузовских и областных архивах; 3) вузовским историкам принять активное участие в летних фольклорных, археологических и этнографических экспедициях с целью сбора меморатов.

Думается, что большую помощь в разработке методик опроса историкам могут оказать фольклористы и этнографы. Например, в монографиях М. М. Громыко, Н. А. Миненко с помощью традиционных методов исследуются темы, которые уже сегодня изучаются в русле устной истории⁸.

С другой стороны, многие приемы и методы опроса-интервью уже отработаны советскими писателями-документалистами. Книги С. Федорченко, А. Адамовича, Д. Гранина, Св. Алексиевич основаны на сотнях интервью людей, переживших войну⁹. Тематика таких интервью, отбор интервьюируемых были предварительно продуманы и ограничены темой, интересовавшей писателя.

Определенный опыт накоплен студенческим клубом «Устная история» в Московском историко-архивном институте. Д. Хубова в марте 1990 г. сделала доклад «Голод на Кубани в 1932—1933 годах» на Международной конференции по устной истории в Эссене (ФРГ), в котором обобщены данные летней экспедиции 1989 г. на Кубань.

14—15 мая 1991 г. в Кирове состоялась вторая научная конференция Общества устной истории СССР. Изданный небольшим тиражом сборник тезисов этой конференции дает определенное представление о том, как изменилась научная проблематика за полтора года¹⁰. Если в обобщающих статьях Д. П. Урсу «Устная история в современном мире», В. А. Бердинских «Проблемы устной истории в СССР», А. В. Лерера «Некоторые вопросы методологии устной истории» вновь рассматриваются теоретические и методические проблемы, то вторая группа материалов — это исследования на основании фольклорных источников. В статьях И. А. Варнавских «Частушка как источник по устной истории», В. А. Коршунков «Тюха: от обрядового мечения до лагерной пайки», А. А. Емельянова «Городской фольклор Петрограда накануне Октября» мы видим новые неожиданные подходы к фольклорным материалам как источникам по социально-политической истории России. Как справедливо отметил В. А. Коршунков: «В истории жаргонного слова „тюха“ запечатлелся путь российского крестьянства в XX веке от традиционных обрядов и поверий, от устоявшегося столетиями быта до гулаговской пайки»¹¹.

Продолжается интерес историков к проблемам коллективизации. В качестве примера можно привести статью А. Н. Чернова «Раскулачивание в Сарайкино». Но, пожалуй, больше всего статей посвящено проблемам массовых переселений, депортаций и миграций населения страны. В статьях И. А. Станицкой «Программа „Депортация крымских татар 1944 года“ клуба „Устная история“ МГИИ», Ю. В. Костяшова «Отношение советских переселенцев к немецкому наследию», С. Мищенко и Т. Рыловой «Немцы — спецпереселенцы в Глазове» поднимались вопросы, оставшиеся политически острыми до сего дня.

В связи с необычайной быстротой и размахом происходящих в наши дни в республиках бывшего Советского Союза трансформаций неизбежно появляется стремление историков зафиксировать сам процесс социально-политических изменений. Показательна в связи с этим статья Э. Ж. Алибекова и К. К. Шюкюрова «Январские события 1990 года в Баку в свете устных источников». «Программой исследования (в Баку) предусматривалось выявление отношения к событиям, мнения об их причинах и виновниках, о возможности иного развития событий ...»¹². Характерно, что указанный опрос проводился клубом «Устная история» Бакинского университета сразу же после драматических событий в Баку.

Конференция 14—15 мая 1991 г. в Кирове выработала следующие рекомендации.

1. Рекомендовать клубам «Устная история» и научным обществам подготовить пособия по методике интервьюирования, своеобразный «кодекс интервьюера», договориться о минимуме требований при ведении опроса и фиксации записей.

2. Предложить историкам активно включиться в работу по подготовке и проведению опроса в рамках общесоюзной программы «Переселения, депортации и миграции населения Советского Союза».

3. Целесообразно начать фиксацию процесса современных изменений в жизни нашего общества: этнические беженцы; политизация различных социальных групп; становление новой экономической и политической системы.

4. Рекомендовать вузам и научным учреждениям создавать особые фонды и архивы материалов по устной истории с единой системой хранения. Это новый и ценнейший тип исторического источника для будущего.

5. Оказывать содействие студентам, ведущим работу в этой области, с целью подготовки специалистов по устной истории.

Исследователи, проводящие интервью среди населения сегодня, отмечают, что даже при записи на магнитофон очень велики потери: теряется интонационное многообразие речи, то явный, а то и скрытый подтекст, усмешка, ирония. Совершенно пропадает мимика рассказчика, его жестикация. Думается, что в течение последних пяти десятилетий произошли существенные изменения в народном речевом этикете — традиционный жест вытеснен из повседневной речи. Тенденции эти в определенном смысле объективны, они тесно связаны с научно-технической революцией, унификацией образования и воспитания. Поэтому неотложной задачей для советских историков уже сегодня является создание фонда видеозаписей, особенно на Кавказе, в Средней Азии, где и сегодня еще сильны патриархальные традиции.

Мы надеемся, что значительный интерес молодых советских историков к проблемам устной истории приведет к организационному укреплению Общества устной истории России, координации научной работы историков, этнографов и фольклористов. Тогда, видимо, станут возможными коллективные исследования (на материалах устной истории) по проблемам нэпа, коллективизации, культа личности Сталина, традиционной народной культуре и др.

Думается, что необходимо и переосмысление накопленного опыта этнографов, фольклористов. Ведь создававшиеся в 1920—1970-е годы записи рассказов старожилов о прошлом нуждаются в новом прочтении.

Применение новых методик к фондам старых записей позволит не только создать новые оригинальные научные работы, но и вернуть из небытия уникальные источники по истории нашей страны.

Примечания

¹ Урсу Д. П. Методологические проблемы устной истории//Источниковедение отечественной истории. Сб. статей. 1989. М., 1989. С. 3—32.

² Проблемы устной истории в СССР. Тезисы научной конференции/Отв. ред. Бердинских В. А. Киров, 1990. 40 с.

³ Там же. С. 7—8.

⁴ Там же. С. 10.

⁵ Там же. С. 19.

⁶ Там же. С. 23.

⁷ Там же. С. 10, 11.

⁸ Громыко М. М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986; Миненко Н. П. Живая старина; будни и праздники сибирской деревни в XVIII — первой половине XIX века. Новосибирск, 1989.

⁹ Адамович А., Гранин Д. Блокадная книга. М., 1982; Алексеевич С. Последние свидетели. М., 1987; Бердинских В. А. Рядовые фронта и тыла.//Волга. 1989. № 5—6; его же. Очерки крестьянской цивилизации в России//Волга. 1991. № 1—3; Федорченко С. Народ на войне. М., 1990.

¹⁰ Проблемы устной истории в СССР. Материалы второй научной конференции в г. Кирове 14—15 мая 1991 г./Отв. ред. Бердинских В. А. Киров, 1991. 80 с.

¹¹ Там же. С. 26.

¹² Там же. С. 72.

© 1992 г., ЭО, № 5

Т. Б. Уварова

ЗАРУБЕЖНЫЕ АВТОРЫ О НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ В СССР

B. Nahaylo, V. Swoboda. Soviet Disunion: A History of the Nationalities Problem in the USSR. L., 1990. 432 p.; The Nationalities Question in the Soviet Union/Ed. G. Smith. L.; N. Y., 1990. 389 p.

В последние годы развитие национальных отношений теперь уже в бывшем СССР стало предметом пристального внимания за рубежом, что обусловлено важнейшей ролью национального вопроса в судьбе страны в целом, его первостепенным значением для перспектив дальнейшего развития.

Работы, посвященные этому кругу проблем, разнообразны по жанру — от публикаций в периодической печати до крупных монографических исследований известных западных авторов, — уже были представлены читателям нашей страны в специальных информационных изданиях*. Большая часть авторов уделяет внимание преимущественно последним событиям наиболее острого, кризисного характера, попыткам поиска властями различного уровня путей их урегулирования, а также поли-

* Зарубежная литература о национальных отношениях в СССР: Реф. сб. М.: ИНИОН, 1991. 154 с.; Зарубежная литература о национальных отношениях в СССР. М.: ИНИОН, 1991. Вып. 1. 122 с.